

политика

В.А.Аватков, Т.И.Тюкаева О ХАЛИФАТЕ И ГЕОПОЛИТИКЕ В СОВРЕМЕННОМ АРАБО-ИСЛАМСКОМ РЕГИОНЕ

Ключевые слова: Большой Ближний Восток, геополитика, ислам, халифат

Масштабная дестабилизация, вызванная так называемой «арабской весной», уже третий год определяет ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Массовые волнения, приведшие в ряде стран к смене режима, послужили триггером для непредвиденных процессов, главным из которых стало усиление объединений исламистов, ранее запрещенных в большинстве арабских государств.

По мере выделения в отдельные партии/движения/группы приверженцев консервативного ислама — салафитов, недовольных позицией «умеренных» в лице «Братьев-мусульман», наряду с традиционным борьбой между шиитами и суннитами начало набирать силу и внутри-суннитское противостояние. Очевидно, что за каждой из упомянутых сторон конфликта стоит амбициозный региональный и/или внерегиональный игрок со своими интересами и методами их достижения. В условиях сохраняющейся социально-политической нестабильности все эти игроки направляют усилия на расширение своего влияния в арабо-исламском мире.

После прихода к власти в ряде стран Большого Ближнего Востока происламских сил эксперты заговорили о движении региона к халифату — арабскому или исламскому¹. Арабский халифат, как предполагается, объединит арабские государства во главе с Саудовской Аравией; в исламский же, наряду с ними, войдут Турция, Иран, часть Кавказа, центрально-азиатские республики и даже Пакистан.

При этом существуют два противоположных взгляда на природу подобного образования. Согласно первому из них, халифат представляет собой проект Вашингтона, ибо данная модель территориально-государственной организации способна обеспечить ему максимально удобный формат управления территорией, поставляющей в Соединенные Штаты более 20% импортируемых ими энергоресурсов и являющейся вместе с тем источником террористической угрозы и подрыва безопасности главного форпоста США в регионе — Израиля². Согласно второму, в основе халифата лежит идея арабского/исламского единства, имеющая выраженную антиамериканскую направленность.

Неудачный исторический опыт, неоднократно продемонстрированная государствами региона неспособность договориться даже по относительно маловажным вопросам, а также активное участие в региональной геополитической игре — в качестве ведущих и ведомых —

¹ См., напр. Тарасов [Tarasov] 2011; Нас ждем [Nas zhdet] б.г.

² См., напр. Сторожевский [Storozhevskij] 2013.

множества иных игроков заставляют усомниться в возможности халифата, хотя бы частично объединяющего арабский/исламский мир. В нынешних условиях речь скорее идет о выстраивании динамичной модели противоборствующих трансрегиональных сетей — «умеренно»-исламской, салафитской и шиитской — с регулируемыми центрами в Анкаре, Эр-Рияде/Дохе и Тегеране, которые реализуют собственные версии «халифата».

Следует, однако, оговориться, что в подобного рода трансрегиональной деятельности идеология носит во многом инструментальный характер, вследствие чего приведенное выше разделение исламистов на три группы достаточно условно. Главная задача — это мобилизация масс для воплощения геополитических амбиций руководства региональных держав в лице Турции, Саудовской Аравии, Катара и Ирана, которые с началом нового передела сфер влияния, запущенного «арабской весной», заняли позиции ключевых игроков на пространстве Ближнего и Среднего Востока, Кавказа, Центральной Азии и даже Пакистана.

С учетом активного участия Вашингтона в региональных процессах, в том числе в качестве основного или одного из основных партнеров арабских государств по линии военно-технического сотрудничества, членства Турции в НАТО и присутствия в Персидском заливе военно-морского флота США большие сомнения вызывает также возможность реализации проекта халифата на антиамериканской основе. Будучи, по всей видимости, инициировано не из-за океана, динамичное противостояние трех сетей-«халифатов» прекрасно вписывается в саморегулируемую американскую систему сдержек и противовесов на Большом Ближнем Востоке, где региональные державы, отстаивая, по сути, собственные интересы, уравновешивают друг друга и тем самым так или иначе защищают и интересы США — в конкуренции с Россией, Китаем и (отчасти) Европой, в частности с Францией.

Что касается Франции, то она претендует на влияние главным образом в Южном Средиземноморье, прежде всего в своих бывших североафриканских колониях, и, уделяя много внимания политическим аспектам взаимодействия, пытается опереться на силы, наименее враждебные Западу. В свою очередь, Китай, наращивающий экономическую экспансию в регионе, концентрируется на вопросах экономического сотрудничества, выводя за скобки политико-идеологические установки своих контрагентов. Российская же политика в рассматриваемом регионе (за исключением Кавказа и Центральной Азии) в настоящее время слабо артикулирована и зачастую строится ad hoc, как реакция на то или иное событие.

Итак, главными участниками противостояния в регионе являются Турция, Иран и Саудовская Аравия с Катаром. Учитывая данное обстоятельство, представляется целесообразным подробно рассмотреть продвигаемые ими модели «халифатов».

**Салафитский
«халифат»
и конкуренция
в Персидском
заливе**

Ядро салафитского «халифата» — в Персидском заливе. Постепенно углубляется интеграция в рамках Совета сотрудничества арабских государств (ССАГПЗ), в том числе в финансовой и, главное, военной сферах, в скором будущем планируется присоединить к организации Марокко, Иорданию и, по некоторым сведениям, Египет, а затем, в более отдаленной перспективе, другие арабские страны.

Саудовская Аравия, традиционно претендующая на роль регионального лидера, и Катар, сравнительно недавно начавший выдвигаться на позиции одного из ведущих игроков в регионе, действуют, как правило, с опорой на финансовые инструменты в виде льготных займов и грантов дружественным режимам. Все шире используется и информационное оружие: катарская «Аль-Джазира» и саудовские «Аль-Арабийя» и «Аш-Шарк аль-Аусат» ведут активную пропаганду не только в общеарабском географическом и лингвистическом пространстве, но и за его пределами (через англоязычные медиа), причем реципиенты «заливных» нефтедолларов пресекают любую критику своих спонсоров со стороны национальных СМИ, а местные газеты фактически воспроизводят информацию в том виде, в каком она подается из Эр-Рияда и Дохи. Оказывается помощь легализующимся на волне «арабской весны» салафитским группировкам, имеющим связи с «Аль-Каидой» (так, среди египетских салафитов, по некоторым данным, присутствуют члены аффилированной с «Аль-Каидой» «Аль-Гамаа Исламия»).

Изначально целью поддержки и рекрутирования салафитов в разных уголках арабского мира было, как представляется, противодействие иранскому шиитскому влиянию. Поэтому тенденция к разделению суннитов-исламистов на «Братьев-мусульман» и салафитов проявилась сравнительно недавно и не во всех странах — например, в состав Исламского конституционного фронта Судана входят и «Братья-мусульмане», и салафиты, и радикалы-суфисты³.

Об «Аль-Каиде», созданной при участии монархий Персидского залива, едва ли можно говорить как о некоей цельной организации с единым центром; скорее речь идет о разрозненных вооруженных группировках, финансируемых Катаром и Саудовской Аравией. Действуя под лозунгами защиты ислама, входящие в них исламисты-экстремисты борются не только с теми, кто, по мнению Эр-Рияда и Дохи, отступил от него, но и между собой, препятствуя чрезмерному усилению друг друга. Вследствие затянувшейся внутренней дестабилизации особенно привлекательными для подобных группировок стали страны «арабской весны». Здесь некоторые из них пошли по пути легализации и, оформившись при опоре на местных исламистов-салафитов в партии, переключились на парламентские формы деятельности; другие же сохранили верность прежней тактике, оказывая влияние на внутреннюю ситуацию в соответствующих странах или перемещаясь в иные конфликтные зоны и выступая там проводниками интересов своих спонсоров. Данный сценарий (на разных его стадиях) реализуется, в частности, в Сирии и Ливии.

³ Быстров [Bystrov]
б.г.

Расширению влияния Катара и Саудовской Аравии в регионе способствует привлечение ими рабочей силы из ненефтяных арабских стран. Немалую роль играет и сотрудничество в области образования и культуры через открытие религиозных учебных заведений и строительство мечетей, а также в финансовой сфере — посредством развития банковских связей.

Серьезный отпечаток на салафитский «халифат» накладывает соперничество Эр-Рияда и Дохи за лидерство в субрегионе и арабo-исламском мире в целом⁴. Определенное соперничество наблюдается и внутри саудовской монархической семьи. Неизбежно предстоящая ввиду преклонного возраста наследников престола борьба кланов внутри династии Саудитов потенциально может отразиться на региональных политических процессах в средне- и долгосрочной перспективе.

При рассмотрении стран, в которых позиции салафитов — про-саудовских или прокатарских — наиболее сильны, имеет смысл начать с субрегиона Персидского залива, где Эр-Рияд и Доха вынуждены противостоят попыткам Тегерана дестабилизировать ситуацию. Отсюда — проект объединения (фактически — аннексии), предложенный саудовцами Бахрейну, отсюда же активизация интеграционных процессов в рамках ССАГПЗ, за которой, впрочем, одновременно стоит и стремление воспрепятствовать укреплению позиций «Братьев-мусульман», поддерживаемых Анкарой. Катар и Саудовская Аравия действуют, по всей видимости, и в Иране (при опоре на суннитов Хузестана), и в Пакистане (где антишиитские восстания перестали быть редкостью), и даже Афганистане (с целью ограничить там присутствие Тегерана).

Традиционной для Эр-Рияда является поддержка Иордании и Марокко, куда поступают крупные финансовые вливания, что имеет огромное значение для действующих там режимов. Прежде всего это касается Иордании, где в последнее время резко активизировались «Братья-мусульмане». (В Марокко последние мирно сосуществуют с монархией, принимая непосредственное участие в политической деятельности⁵.) В Египте Саудовское королевство входит в тройку крупнейших инвесторов, однако о налаживании с ним позитивных политических связей говорить пока рано. Вместе с тем по крайней мере часть возникших на египетской политической сцене салафитских партий имеет связи с Эр-Риядом. В этом контексте довольно показательным, что бывший парламентский салафитский блок «Ан-Нур» дистанцировался от «Братьев-мусульман» и после свержения Мухаммеда Мурси взял курс на сотрудничество с военными и новым руководством страны. При этом события 3 июля 2013 г. и последующих месяцев не оставили никаких сомнений относительно установки Эр-Рияда: кто угодно, только не «Братья-мусульмане».

Проводниками интересов Эр-Рияда выступают также отдельные группы в рядах сирийской оппозиции и некоторые политические силы в Ливане (в частности, сторонники Саадедина Рафика Харири) и в Ираке (с саудовцами связаны салафиты, контролирующие Исламское

⁴ Панкратенко
[Pankratenko]
2012.

⁵ Напомним, что на последних выборах в марокканский парламент, состоявшихся в 2011 г., победила связанная с «Братьями-мусульманами» Партия справедливости и развития.

государство Ирак). Саудовская Аравия традиционно поддерживает палестинцев в лице Палестинской национальной администрации, а также финансирует суннитские силы в Судане и Йемене, где в последнее время усиливается конкуренция с Катаром. Финансово-религиозные инструменты активно используются и для выстраивания связей с мусульманским Кавказом и республиками Центральной Азии, где Эр-Рияд вынужден соперничать не только с Дохой, но и с Анкарой.

Что касается прокатарских салафитских групп, то они действуют в Йемене (прежде всего речь идет об оформившейся недавно Партии правильного пути), по всей видимости, в Египте, а также в Ливии и Тунисе. Свое присутствие Доха обеспечивает и финансово (власти Туниса, Ливии, Египта и Судана стали получателями катарских грантов; довольно весомыми являются и катарские инвестиции в экономику этих стран), а также через посредничество в урегулировании региональных конфликтов (в частности, Дарфурского конфликта в Судане). Доха активно поддерживает сирийских оппозиционеров, конкурируя с Саудовской Аравией и Турцией через созданную в Дохе Национальную коалицию, а также салафитские группировки, главная из которых — «Джабхан-Нусра»⁶ (эти группировки также связаны с ливийскими прокатаровскими и иракскими просаудовскими исламистами из «Аль-Каиды»). В последнее время Катар посредством финансовых и гуманитарных инструментов наращивает свое влияние и в Центральной Азии⁷.

Необходимо также отметить проявляемый Дохой интерес к Палестине. В отличие от Саудовской Аравии, Катар здесь пытается действовать через ХАМАС, приложив немало усилий, чтобы вывести его из-под влияния Дамаска. Большое значение имел «прорыв дипломатической блокады» осенью 2012 г., когда катарский эмир посетил сектор Газа, однако создать там салафитскую партию ХАМАС Катару не позволил⁸. О «катарском следе» можно говорить и применительно к сахельским экстремистам⁹. В Сахеле Доха сталкивается в том числе и с Францией, которую катарское руководство стремится максимально ослабить как еще одного конкурента.

Поскольку салафитская идеология хотя и пользуется определенной популярностью в массах, едва ли может стать надолго основой внешне- и внутривосточного курса государства, за поддержкой салафитов de facto кроется стремление максимально увеличить их влияние на политику той или иной страны в интересах Эр-Рияда или Дохи. Соперничество между Саудовской Аравией и Катаром в средне- и долгосрочной перспективе, скорее всего, продолжится, однако оно вряд ли перерастет в масштабное противостояние.

⁶ Игнатенко [Ignatenko] 2013a, 2013б.

⁷ Притчин [Pritchyn] 2013.

⁸ We 2013.

⁹ Балмасов [Baltasov] 2013.

«Умеренно-исламский халифат»

«Умеренно»-исламский «халифат» представляет собой сеть «Братьев-мусульман», заметно усилившихся на волне «арабской весны» и пришедших к власти в Тунисе, на какое-то время в Египте и частично в Ливии. Связанные с «Братьями-мусульманами» партии действуют

и в других странах региона, в том числе в Иордании (Фронт исламского действия), Марокко (Партия справедливости и развития) и Йемене («Ислах»). «Братья-мусульмане» в лице ХАМАСа контролируют сектор Газа и составляют значительную часть Национальной коалиции сирийской оппозиции.

¹⁰ Правительство
[Pravitel'stvo] 2012.

Вопреки высказываемому иногда мнению, что турецкая Партия справедливости и развития de facto служит филиалом «Братьев-мусульман»¹⁰, в настоящее время можно говорить лишь об идеологической близости между ними, опираясь на которую Анкара развивает контакты с соответствующими силами и выстраивает политические, социально-экономические и культурные связи со странами, где они пользуются влиянием. Вместе с тем необходимо понимать, что подчеркивание идеологической близости — лишь один из инструментов реализации неосманистских и пантюркистских амбиций нынешнего премьера Турции и закрепления за последней роли ведущей региональной державы в противовес шиитскому и салафитскому проектам.

¹¹ Волович
[Volovich] б.г.

Важнейшей опорой Анкары в арабском мире является Тунис. Лидер тунисской Партии возрождения Рашид Ганнуши провозгласил ориентацию на Турцию, сравнив первого исламистского премьер-министра страны Неджметтина Эрбакана, бывшего духовным наставником нынешнего главы турецкого правительства, с «интеллектуальными и духовными отцами-основателями „Братьев-мусульман“» и объявив о намерении «внедрить» в Тунисе «демократическую систему и социальную справедливость по примеру Турции»¹¹. Турецко-тунисские отношения затрагивают также экономическую область: Тунис получил от Турции 400 млн. долларов в качестве кредита и еще 100 млн. в виде гранта, в июле и октябре 2012 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве в целях развития и о технической помощи на частном и государственном уровне. Укрепляется взаимодействие и в сфере безопасности: в апреле 2012 г. главы внутриведомственных органов двух стран подписали соответствующий договор, а в декабре того же года был создан Совет стратегического сотрудничества на высшем уровне. Не исключены также связи по линии военно-технического сотрудничества, хотя — по понятным причинам — о них открыто не заявляется. В тунисской столице запланировано открытие Турецкого культурного центра им. Юнуса Эмре, в программу тунисских школ активно вводится турецкий язык.

Что касается отношений между Турцией и Египтом, то они переживали бурный расцвет в период годового правления Мурси. До прихода к власти Партии свободы и справедливости Анкара параллельно развивала отношения с военным руководством Египта и налаживала связи с идеологически близкими «умеренными» исламистами. С избранием представителя «Братьев-мусульман» президентом Египта динамика двусторонних контактов на различных уровнях заметно возросла, сотрудничество в политической, экономической и культурной сферах углубилось. Как и в случае с Тунисом, был сформирован Совет стратегического сотрудничества; с учетом безуспешности

переговоров Каира с МВФ по поводу выделения кредита турецкие инвестиции стали своего рода «спасательным кругом» для египетской экономики. В Каире и Александрии открылись центры турецкой культуры; при участии Фонда Юнуса Эмре, являющегося одним из ключевых инструментов турецкой «мягкой силы», при Сохагском университете на юге страны была создана турецкая библиотека; обсуждался вопрос о сооружении Турцией на египетской территории двух школ — для девочек и для мальчиков. Активно велись дискуссии о «турецкой модели» для Египта и о «Каире и Анкаре как двух полюсах исламского мира»¹². И хотя отношения Реджепа Эрдогана с новым руководством этой ключевой арабской страны пока не складываются, заложенная в эпоху Мурси (свержение которого Анкара однозначно осудила) база для экономического, социального, политического и культурного проникновения Турции в Египет не оставляет сомнений: быстро избавиться от турецкого присутствия ему не удастся.

¹² *Egunem [Египет]*
б.г.

¹³ *Характерно, что ливийские «Братья-мусульмане» достаточно успешно отстаивают свои позиции во внутритриполитическом кризисе в стране (см. Быстров [Bystrov] 2013а).*

Активно действует Анкара, в том числе при опоре на «Братьев-мусульман», и в Ливии¹³, где Турция приобрела нефтяное месторождение и строит электростанцию. Особо следует отметить турецкое участие в разработке новой ливийской конституции и планы по созданию в Триполи Центра турецкой культуры. Предпринимаются усилия по развитию связей с Алжиром, прежде всего в энергетической сфере, однако эта магрибская страна, не так давно пережившая гражданскую войну, развязанную исламистскими группировками (так называемое «черное десятилетие» 1990-х годов), не спешит открывать двери Турции, как и другим строителям «халифатов». Турецкое присутствие заметно в Ираке (где опорой Анкары служат сунниты), в Йемене (в противовес как шиитам, так и салафитам), а также среди сирийской оппозиции. Активизировались политические контакты с ХАМАСом.

Вместе с тем важно учитывать, что у «Братьев-мусульман» имеются собственные геополитические амбиции и они стремятся к расширению своего влияния в регионе без привязки к Турции. Это проявилось, в частности, в политике Мурси в секторе Газа, в его попытках наладить контакты с Хизбаллой, Багдадом и Тегераном. Однако очевидно, что необходимыми для этого ресурсами «Братья» пока не обладают, отсюда — взаимовыгодный (с известными оговорками) союз с Анкарой.

Шиитский «халифат»

Центром третьего — (условно) шиитского — «халифата» является Иран, один из традиционных участников геополитической игры как на Ближнем и Среднем Востоке, так и на Кавказе и в Центральной Азии. Опорой Тегерана выступают шииты, проживающие преимущественно в восточной части региона. Противостояние между шиитами и суннитами, а точнее, между шиитами и салафитами острее всего проявляется в субрегионе Персидского залива, где не без иранской поддержки шиитские общины (охватывающие 60% населения Бахрейна, 30% — Кувейта, 15% — Саудовской Аравии и ОАЭ) часто становятся участниками

антиправительственных выступлений. В ходе «арабской весны» с новой силой вспыхнули шиитские восстания в Бахрейне, некоторых провинциях Саудовской Аравии и на оспариваемых Ираном у ОАЭ островах в Персидском заливе. Кроме того, наметилось социально-политическое усиление (по всей видимости, временное) шиитов в Кувейте — на очередных парламентских выборах представители шиитских общин получили 17 из 50 мест. В Йемене иранское присутствие обеспечивают шииты-хутисты, с которыми борются не только салафиты, но и партия «Братьев-мусульман» «Ислах».

Долгое время главным форпостом Ирана на Ближнем Востоке выступала Сирия, однако в случае, судя по всему, неизбежного падения алавитского режима Башара Асада иранское влияние на эту страну, очевидно, ослабнет. В этой ситуации все большее значение для Тегерана приобретает Ирак с шиитским большинством и премьером-шиитом, где складываются благоприятные условия для культурно-политических связей. Однако иранское присутствие там тоже встречает противодействие со стороны суннитов — протурецких, просаудовских, прокатарских, — что нашло отражение в массовых (в основном суннитских) забастовках конца 2012 г. Важными форпостами иранского «халифата» на Ближнем Востоке остаются шиитские Хизбалла и «Амаль», а также суннитский ХАМАС, который «Братья-мусульмане» и салафиты пытаются вывести из сферы влияния Ирана. И хотя говорить об успехе этих попыток пока рано, переход ХАМАСа на сторону антиасадовской коалиции и приостановка Тегераном поставок оружия в сектор Газа можно считать первыми шагами в данном направлении.

Отношения с ХАМАСом не единственный случай внешнеитской активности Тегерана. Так, Иран прилагает усилия для налаживания связей с новыми египетскими властями: в январе 2013 г. Каир посетил иранский министр иностранных дел Али Акбар Салехи, имеются сведения о контактах между странами на уровне разведок. Вопреки недовольству со стороны Эр-Рияда и Дохи, все больше сближается с Тегераном и суданское руководство. В частности, в сентябре 2013 г. прошла информация о создании в Порт-Судане «запасной» военно-морской базы Ирана¹⁴.

К наращиванию нешиитских связей можно отнести и деятельность Тегерана по созданию культурных центров и неправительственных организаций в странах Северной Африки¹⁵, при том что продвижению там иранских интересов препятствуют местные салафиты и «Братья-мусульмане». По некоторым данным, поддержкой Ирана пользуется и ряд исламистских группировок, действующих в центрально-азиатских республиках.

Ввиду многократного количественного преобладания суннитов, шансы шиитского «халифата» на успех не очень высоки. Именно поэтому, вероятно, главной составляющей стратегии Ирана по распространению своего влияния стало создание сети форпостов в виде соответствующих партий и движений, не всегда шиитских, неправительственных организаций и культурных центров.

¹⁴ Быстров
[Bystrov] 2013б.

¹⁵ Балмасов
[Baltasov] 2012.

**Ключевые точки
противостояния**

Приведенные выше данные позволяют говорить о наметившихся контурах противостояния в регионе: основными конкурентами в борьбе за влияние на Большом Ближнем Востоке являются Турция, Саудовская Аравия, Катар и Иран, которые для реализации своих региональных амбиций, помимо экономических и информационных инструментов, активно используют идеологию. К противоборству по линии «сунниты—шииты» добавилось соперничество между «умеренными» и консервативными исламистами, проявившееся на волне «арабской весны» и ставшее возможным в том числе благодаря «возвращению» Турции в регион.

В то же время важно учитывать, что «халифат» — это не форма государственности, которая может установиться на пространстве от атлантических берегов Африки и до западных границ Индии, а формат геополитического присутствия, инструмент культурно-политического влияния, используемый региональными державами для создания сети опорных пунктов в арабо-исламском мире. Процесс конструирования подобных сетей будет, как представляется, определять параметры взаимодействия-противоборства обозначенных выше игроков как основы региональных процессов.

Главными зонами конфликта в борьбе за передел сфер влияния в регионе в ближайшей и среднесрочной перспективе станут такие страны, как Сирия и Ирак, где на традиционное противостояние между суннитами и шиитами наложится борьба между Турцией и монархиями Персидского залива, Палестина, а также Египет и Ливия, где в роли ключевых соперников выступят «умеренные» и салафиты.

В Сирии и Ираке основная задача монархий Залива — максимально ослабить традиционно сильные здесь позиции Ирана, не позволив при этом укрепиться суннитам из противоположного лагеря. Отсюда — борьба за влияние на представителей сирийской оппозиции, объединенных в неустойчивую Национальную коалицию, где, судя по имеющимся данным, сейчас преобладают прокатарские и просаудовские силы. Вместе с тем, принимая во внимание внешнеполитический и военный потенциал Турции, ее непосредственную вовлеченность в сирийский кризис, который ставит под угрозу национальную безопасность страны, а также поддержку, оказываемую ею значительной части сирийской оппозиции, правомерно предположить, что присутствие Анкары в послеасадовской Сирии будет как минимум столь же значительным. Судя по всему, после свержения Асада дестабилизированную страну будут контролировать прежде всего Турция и Залив, при этом первая приложит все усилия для сохранения территориальной целостности сирийского государства, а второй постарается использовать в своих интересах сирийско-турецкие противоречия по курдской проблеме. Влияние Ирана (через алавитскую общину) хотя и сохранится, но существенно ослабнет.

В подобной ситуации для Тегерана резко возрастает важность упрочения своих позиций в Ираке, однако попытки иранского руковод-

ства привлечь Багдад на свою сторону по сирийскому вопросу уже обернулись очередным всплеском недовольства иракских суннитов, что, в свою очередь, стало поводом для вмешательства стоящих за ними Турции и монархий Персидского залива. В Ираке снижение иранского присутствия будет означать усиление Анкары, которая оказывает серьезное влияние на внутривластную ситуацию в стране через суннитских депутатов парламента, экономику, контроль над Тигром и Евфратом и выстраивание связей с Иракским Курдистаном в обход центральных властей. Впрочем, представляется маловероятным, что Вашингтон позволит Турции доминировать в Ираке, тем самым резко повысив свой вес в регионе.

Бороться за сохранение своего влияния Иран будет и в секторе Газа, где его основными конкурентами являются Доха и Каир. В то же время ввиду приостановки Тегераном поставки вооружений ХАМАСу иранцы могут потерять статус его главного союзника, уступив место Катару и Египту. В долгосрочной перспективе заменить иранцев, вероятно, сможет Турция — с учетом планов последней в области производства вооружения. Но пока Анкара делает лишь первые шаги в этом направлении, и, поскольку разлад с Каиром уже создал для турецкого руководства определенные сложности в отношениях с ХАМАСом (Эрдогану было отказано в доступе в Газу через Египет), первенство в борьбе за роль нового спонсора палестинцев на данный момент за Катаром.

Что касается Египта, то, несмотря на свержение Мурси и объявленную (к радости Эр-Рияда) «Братьям-мусульманам» войну, говорить о вытеснении из него Турции еще рано. За последние три года власть здесь сменилась трижды, на начало 2014 г. намечены очередные выборы, и куда в следующий раз качнется политический маятник — неизвестно. Очевидно, однако, что в Египте и «Братья-мусульмане», и армия — это государствообразующие, хотя и антагонистические силы. Принимая во внимание данное обстоятельство, а также тот факт, что Турция сделала ставку на родственных себе «умеренных» исламистов, а Саудовская Аравия — на противостоящую им армию, можно предположить, что основная борьба за влияние на Египет развернется именно между ними. Анкара будет стараться удержать завоеванные при Мурси позиции, а Эр-Рияд приложит все усилия, чтобы вытеснить своего конкурента из ключевой арабской страны.

Не более ясная ситуация и в Ливии: на фоне активности салафитских групп, связанных с монархиями Персидского залива, местные «Братья-мусульмане» успешно противостоят попыткам премьер-министра страны Али Зейдана ослабить их влияние. Новые ливийские власти постепенно налаживают связи и с Ираном, пусть и в заметно меньших масштабах. Тем не менее, учитывая значительное экономическое и финансовое присутствие Залива и сильные позиции ливийских «Братьев-мусульман», можно говорить о соперничестве за Ливию между Турцией и салафитскими монархиями.

Важно помнить, что США выступают в качестве основного поставщика вооружения в регионе — в частности, для Египта и Ирака — и не намерены отказываться от этой роли. Не исключено, что после свержения Асада Вашингтон привлечет к военно-техническому сотрудничеству и Сирию, а также расширит взаимодействие в этой сфере с Ливией. В остальном же американские интересы на Большом Ближнем Востоке обеспечиваются за счет региональных союзников, противодействующих усилению Ирана и не допускающих чрезмерного укрепления геополитических позиций друг друга.

**Геополитика,
«халифаты»
и Россия**

Необходимость более активного участия России в разворачивающихся в регионе процессах не вызывает сомнений. Во-первых, его центрально-азиатская и кавказская часть, на которую оказывают влияние происходящие на Ближнем и Среднем Востоке события и в которой непосредственно действуют упомянутые выше региональные игроки, является для Москвы зоной особых интересов. Во-вторых, несмотря на намечившееся смещение центра международной политической и экономической жизни в АТР, арабо-мусульманский регион сохраняет свое геостратегическое значение, и России, если она хочет вернуть себе роль мировой державы, важно закрепиться в нем.

Наращивая свое присутствие в регионе, Россия неизбежно столкнется с противодействием в форме турецкого пантюркизма, а также геополитической активности монархий Персидского залива и Ирана. Очевидно, что продвижение ее интересов будет наиболее успешным, если оно станет осуществляться не в опоре на один из «халифатов», а посредством расширения контактов на государственном и частном уровне прежде всего в экономической сфере при выведении за скобки вопросов политико-идеологического плана. Об эффективности такой стратегии свидетельствует опыт Китая, а ведь в целом ряде стран региона у России имеются перед ним явные преимущества в виде исторически сложившихся общественно-культурных связей.

На Кавказе и в Центральной Азии логичен акцент на восстановлении этих связей, тогда как в арабском мире основой реализации российских интересов, как представляется, должно стать постепенное укрепление экономического и военно-технического сотрудничества. Важнейшим инструментом расширения российского влияния в регионе должна стать «мягкая сила» — распространение российских СМИ на региональную аудиторию и использование местных медиа, популяризация российской культуры и русского языка, а главное — инициативная и последовательная политика на региональном и международном уровне. Примером такой политики могут служить действия Москвы по предотвращению иностранной интервенции в Сирию.

Чтобы закрепиться в странах региона, Москве нужно, наряду с «мягкой силой», развивать и пророссийское лобби — в экономике, политике, науке, военной сфере. К сотрудничеству можно привлечь

и усилившихся здесь исламистов, тем более что соответствующая заинтересованность ими высказывается. Но речь должна идти о представителях всех трех «халифатов», поскольку выделение кого-либо из них, помимо всего прочего, лишит Россию возможности претендовать на роль международного посредника в многочисленных конфликтах, которые предстоят региону.

Арабо-мусульманский регион вступил в стадию перестановок и передела сфер влияния. Интенсивность противостояний в ближайшие годы будет только возрастать. При сохранении упора на Кавказ и Центральную Азию России ей важно не упустить момент и активизировать свои усилия в арабском мире, прежде всего на главных аренах борьбы региональных игроков за влияние. Рассчитывать на вытеснение США, особенно из арабских стран, едва ли правомерно даже в отдаленной перспективе, однако создать плацдарм для влияния на региональные процессы и реализации собственных интересов Россия вполне в состоянии.

Библиография

Балмасов С.С. 2012. *Об активности Ирана в Северной Африке* [Balmasov S.S. 2012. Ob aktivnosti Irana v Severnojji Afrike] (<http://www.iimes.ru/?p=15543>).

Балмасов С.С. 2013. *Теракт в Ин-Аменасе изменит курс Алжира* [Balmasov S.S. 2013. Terakt v In-Amenase izmenit kurs Alzhira] (<http://www.iimes.ru/?p=16661>).

Быстров А.А. 2013а. *Поляризация политических сил в Ливии* [Bystrov A.A. 2013a. Poljarizacija politicheskikh sil v Livii] (<http://www.iimes.ru/?p=18214>).

Быстров А.А. 2013б. *О судано-иранском стратегическом сотрудничестве* [Bystrov A.A. 2013b. O sudano-iranskom strategicheskom sotrudnichestve] (<http://www.iimes.ru/?p=18242>).

Быстров А.А. *Судан: Хасан ат-Тураби как противник шариата* [Bystrov A.A. Sudan: Khasan at-Turabi kak protivnik shariata] (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/06-03-12c.htm>).

Волович А.А. *Турция и «арабские революции» 2011 года* [Turcija i «arabskie revoljucii» 2011 goda] (<http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/26-05-11a.htm>).

Египет и Турция — полюса исламского мира // Русориент [Egipet i Turcija — poljusa islamskogo mira // Rusorient] (<http://www.rusorient.ru/page.php?vrub=rm&vparid=4765&vid=5892&lang=rus>).

Игнатенко А.А. 2013а. *К истории «Аль-Каиды». Неудавшаяся «сиризация» «Фронта поддержки населения Великой Сирии», или «Джабха ан-нусра»* [Ignatenko A.A. 2013a. K istorii «Al'-Kaidy». Neudavshajasja «sirizacija» «Fronta podderzhki naselenija Velikojj Sirii», ili «Dzhabkha an-nusra»] (<http://www.iimes.ru/?p=1660>).

Игнатенко А.А. 2013б. *К истории «Аль-Каиды». Провозглашение «справедливого исламского государства» под руководством «Джабха*

ан-нусра» в Сирии [Ignatenko A.A. 2013b. K istorii «Al'-Kaidy». Provozglashenie «spravedlivogo islamskogo gosudarstva» pod rukovodstvom «Dzhabkha an-nusra» v Sirii] (<http://www.iimes.ru/?p=1655>).

Нас ждет возрождение Арабского халифата [Nas zhdet vozrozhdenie Arabskogo khalifata] (<http://www.opoccuu.com/halifat.htm>).

Панкратенко И. 2012. Новый халифат на принципах Евросоюза // *Московские новости*. 18.05 [Pankratenko I. 2012. Novyj khalifat na principakh Evrosojuza // *Moskovskie novosti*. 18.05] (<http://mn.ru/opinions/20120518/318288310.html>).

Правительство Эрдогана служит филиалом «Братьев мусульман». 2012 // *ИА Регнум* [Pravitel'stvo Ehrdogana sluzhit filialom «Brat'ev musul'man». 2012 // *IA Regnum*] (<http://pda.regnum.ru/news/1564710.html>).

Притчин С. 2013. *Катар стремится в Центральную Азию в интересах США* [Pritchins S. 2013. Katar stremitsja v Central'nuju Aziju v interesakh SShA] (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1267#top).

Сторожевский С. 2013. *Всемирный халифат и Соединенные Штаты* [Storozhevskij S. 2013. Vsemirnyj khalifat i Soedinennye Shtaty] (<http://www.rosinform.ru/2013/08/08/vsemirnyy--islamskiy--khalifat-dyadi-sema/>).

Тарасов С. 2011. *На Ближнем Востоке рождается новый халифат* [Tarasov S. 2011. Na Blizhnem Vostoke rozhdaetsja novyj khalifat] (<http://www.regnum.ru/news/1370860.html#ixzz08VsGAVts>).

«**We Will Reclaim Jerusalem**»: Salafis. 2013 // *Daily News Egypt*. 6.08 (<http://www.dailynewsegyp.com/2013/06/08/we-will-reclaim-jerusalem-salafis/>).